Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Падальщик. Глава 1

Я сразу заприметил её. Из всех замухрышек, которые мне попадались, она была королевой Замухрышья.

Бледная, как смерть, с двумя увеличительными стёклами в толстой оправе, с огромными гнойными прыщами разной степени зрелости — от бордовых нарывов до белых шампиньонов, — серой мышкой она семенила по коридору так, что за ней было не угнаться. Неуловимой тенью она проскальзывала мимо в буром вязаном свитере, который мешковиной висел на ней и был весь покрыт катышками. На её тонких кривых ногах бесформенно ломались тёмно-синие джинсы с когда-то ярко-белыми, а теперь серыми швами. Дополняли гардероб чёрные кроссовки с потускневшими жёлтыми полосками по бокам. Такого же фасона чёрная торба болталась у неё на плече. Тощая, сутулая, с лопатками, торчащими за спиной, похожими на куриные крылышки, девочка-призрак избегала скоплений людей в столовой, вестибюле и даже лифте, хотя её офис был на пятом этаже. Познакомиться с ней было фактически невозможно.

Мне оставалось только следить за ней и выжидать. Я не мог просто подойти и заговорить, она бы сразу испугалась и убежала. От меня шарахались и не такие красавицы.

У всех моих девочек за годы жизни развилось глубокое чувство неполноценности, и я не виню их за это. Наоборот, меня возбуждает эта пугливость. Они стыдятся своей внешности, но я то знаю, что под уродливой оболочкой дремлет хрупкая ранимая роза, которая жаждет быть сорванной, распущенной, растлённой.

У каждой такой девочки есть одна фишка, которой они в тайне гордятся. Всего одна, но зато какая.

Это может быть, например, маникюр. Не яркий, как у некоторых, кричащий: «посмотрите на меня». Нет, она бы не вынесла столько внимания к своей особе. Мои девочки используют прозрачный лак, чтобы короткие коготки едва блестели, чтобы это было заметно лишь им одним. Или ещё: она может, например, носить чёрные трусики с тонкой полоской кружев или носочки с сердечками и об этом никто не будет знать, кроме неё, а она будет чувствовать каждый миллиметр этого кружева на своей попке и в тайне мечтать, надеяться на то, что она тоже когда-нибудь сможет пополнить ряды таинственных и загадочных, обворожительных и чарующих. Искусительниц.

У моей красавицы этой фишкой были волосы. Шикарная копна чёрных тонких волос. Мелко-вьющиеся от природы, ломкие, редкие, такие, что через просветы видны угловатые очертания черепа, но густые в своей совокупности. Что она только с ними не вытворяла: стягивала в пук и вешала скромную заколочку, распускала на плечи и прятала в них лицо. Один раз повесила яркий бантик-заколку в виде бабочки — наверное, был повод. Ей доставляло удовольствие чувствовать мерное колыхание этих волос за спиной. С каким блаженством она покачивала головой при ходьбе. Волосы скользили по спине и плечам, щекотали её куриную шею, она жмурилась и сильнее прижимала сумку-торбу к боку. Тощая, как доска, она искала в этих волосах полноту, которой ей так не хватало в теле.

У толстых девочек всё не так. Они знают, что принадлежат к когорте жирных коров. Что есть мужчины-фетишисты, которые не против лишних складок на животе, мужчины, готовые любить свою хрюшку за богатый внутренний мир, подкармливать её шоколадками, чтобы

было за что взяться. Толстые знают, что есть коровы покоровистее, чем они, завидующие более стройным бурёнкам в их стаде, то есть им. Для них, толстых, степень ожирения приравнивается к социальному статусу. И чем больше складок на животе, тем ниже этот статус, тем ближе они ко дну, к плинтусу. Толстые уверены, что в любой момент смогут похудеть, подняться, всплыть на поверхность, стоит им только захотеть, стоит только сесть на диету.

Поэтому я и не люблю толстых. Они злые, жадные, двуличные, эгоистичные, завистливые, самовлюблённые, агрессивно-проактивные, вечно ущемлённые, как феминистки или геи, доказывающие везде и всюду, что быть толстой — это ещё не крест на карьере поп-звезды, фотомодели, актрисы, телеведущей, даже диетолога. Там целый букет комплексов, выворачивающих всё самое плохое в человеке наизнанку.

Мои девочки не такие. Мои потеряли всякую надежду, когда-нибудь стать принцессой. Никто никогда не любил их, кроме мамы и бабушки. И даже те скептически относились к возможности продолжения рода. Никто никогда не говорил моим, что они красивые, что они могут нравиться, возбуждать, пленять, очаровывать. Мальчики не писали им любовные записки, подружки всегда были такими же страшненькими, такими же одинокими, потому что более симпатичные боялись испортить свой статус, боялись заразиться от них, даже быть замеченными в их обществе. Иногда мои всё же прилипали к красивой девочке в надежде на то, что это увеличит их шансы, что кто-нибудь из близоруких представителей мужской половины человечества ошибётся и будет смотреть на одну, а любить другую. Это был взаимовыгодный союз: одна купалась в славе, чувствуя себя сестрой милосердия, оказывающей посильную помощь, другая бегала за ней с обручем вместо сачка, тщетно пытаясь поймать неуловимых мотыльков, чувствуя, что она тоже ловец, и нужно только быстрее размахивать обручем.

Мои всегда были в касте неприкасаемых, довольствуясь жалкими объедками с царского стола, пьяными мальчиками-неудачниками, которые искали в них минутное утешение, чтобы подняться, взобраться на одну ступеньку выше, оттолкнуться от них, чтобы полететь к следующей более изящной высоте. Мои всегда были ниже плинтуса: никто не замечал их, но все охотно наступали на них, вытирали об них ноги, чтобы подчеркнуть своё положение в обществе, повысить самооценку. Мои не умеют давать отпор, потому что против них ополчился весь мир, сама природа против них, в доказательство этого люди придумали зеркало.

Мои живут в тусклом мире без любви и надежды на любовь. Их жизнь превратилась в жалкое существование, имя которому «одиночество». Поэтому они так любят читать книжки, особенно любовные романы, в которых они могут почувствовать себя любимыми, желанными, соблазнительными. Но когда книга заканчивается, они возвращаются к суровой реальности, в которой нет места некрасивым, убогим, бездомным, инвалидам, уродам.

За это я их и люблю. За весь этот нерастраченный потенциал, который заложен в них с детства, который копится годами, вызревает, как гнойный шампиньон на лице, готовый однажды взорваться, вырваться на свободу, излиться вулканом страсти и безумия.

Как я уже сказал, познакомиться с такой девочкой фактически невозможно. За годы жизни она так привыкла к издевательствам, к тому, что её в очередной раз хотят обидеть, что обычные способы знакомства с ней просто не прокатывают.

Как? Ты подошёл ко мне, потому что я тебе понравилась? Так я и поверила. Наверное, ты

поспорил с друзьями. Не ври мне! Может быть, ты просто дурак, который хочет позабавиться? Разве можно относиться ко мне серьёзно.

Но у меня был план. Конечно, у меня был план! Когда я только начинал, у меня постоянно были проколы. Но после долгих лет наблюдений я уже знал, на что давить.

После работы моя красавица всегда бежала дворами к метро. Обычно я бежал за ней в надежде на то, что она поскользнётся, и мне не нужно будет устраивать цирк. Но в тот день все билеты были уже проданы, оркестр закончил настраиваться. Погас свет, и на арену под громкие аплодисменты вышел ведущий.

Представление начинается.